

Иваненко Галина Сергеевна

ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматриваются возможные типы передачи чужого текста: объективный (трансляция) и субъективный (трансформация), отражающие отношение к первичному тексту интерпретатора и прагматическую направленность вторичного текста. Дифференциация искажения и интерпретации осуществляется в аспекте судебных разбирательств, вызванных неадекватным представлением текста-первоисточника.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 54-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Основной тип лексики, требующей при переводе опоры на лингвокультурные модели, это непредметная лексика, в основе которой лежит не конкретный объект, а ментальный конструкт. Культурно-специфичная лексика, несомненно, более широкое понятие, включающее в себя и предметные безэквиваленты. Переводимость культурно-специфичных единиц ограничена, но непереводаемых лексических единиц практически нет (за исключением этноспецифических концептов). Кросс-культурный анализ, позволяющий выявить разницу в структуре концептов и лингвокультурных моделей, должен стать обязательной практикой для переводчиков. Социокультурные знания, лежащие в основе понимания, а значит, и адекватного перевода, редко бывают выражены эксплицитно. Правильная интерпретация таких знаний необходима при работе с такими специфичными лингвокультурными моделями, как «образование». Круг культурно-специфичных тем достаточно широк, а значит, перевод единиц, входящих в соответствующие лингвокультурные модели, еще будет изучаться лингвокультурологами и практиками перевода.

Список литературы

1. Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com>docs/index-56447.html> (дата обращения: 13.08.2012).
2. Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация как интеракция лингвокультурных моделей // Язык, культура, общение: сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 427-435.
3. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводаемое в переводе. М.: Р-Валент, 2006. 448 с.
4. Добровольский Д. О. Еще раз о непереводаемом в переводе (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 324-334.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
6. Телия В. Н., Дорошенко А. В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований // Язык, культура, общение: сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207-216.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 353 с.
8. Шмелев А. Д. Лингвоспецифичное в концептуализации времени [Электронный ресурс]. URL: <http://ksu.ru>cogsci04/science/cogsci04/258> (дата обращения: 17.09.2012).

CULTURE-SPECIFIC UNITS AND TRANSLATION

Anastasiya Evgen'evna Del'va, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
 Department of English Language
 St. Petersburg Classical University of Trade Unions
 adelwa@rambler.ru

The author considers the problem of culture-specific lexical units translation by the example of the units included in the concept "higher education", and substantiates the necessity for the use of cross-cultural analysis on the basis of linguo-cultural models as social-cultural knowledge units for the achievement of adequate translation.

Key words and phrases: culture-specific vocabulary; linguo-cultural model; concept; linguo-culture; concept sphere; cross-cultural analysis.

УДК 4(021)

Филологические науки

В статье рассматриваются возможные типы передачи чужого текста: объективный (трансляция) и субъективный (трансформация), отражающие отношение к первичному тексту интерпретатора и прагматическую направленность вторичного текста. Дифференциация искажения и интерпретации осуществляется в аспекте судебных разбирательств, вызванных неадекватным представлением текста первоисточника.

Ключевые слова и фразы: вторичный текст; интерпретация; трансляция информации; трансформация информации; изменение; искажение.

Галина Сергеевна Иваненко, к. филол. н., доцент
 Кафедра русского языка и методики преподавания русского языка
 Челябинский государственный педагогический университет
 gala.april@mail.ru

ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА[©]

Вторичный текст, содержащий неадекватную передачу первоисточника, обладает конфликтогенным потенциалом, реализуемым в особой разновидности информационного конфликта, разрешаемого в судебном

порядке. В современном информационном поле активно используются различные формы так называемых вторичных текстов, передающих со ссылкой или без таковой чужую информацию. Под «чужой» в данном случае понимается такая информация, которая собрана (увидена, услышана, записана) не тем субъектом, который ее распространяет в конкретном рассматриваемом случае. Такое вторичное речевое произведение – это чужая речь, которая передана не дословно, а с какими-либо сокращениями или изменениями, отражающими намерения интерпретатора, который действительно является или осознанно позиционирует себя всего лишь передаточным звеном, дающим ход без него обнаруженным фактам.

В большинстве случаев при передаче чужой речи используется прямая или косвенная речь, которая имеет свой модальный план, при пересказе претерпевающий изменения, так как происходит изменение субъекта речи, а следовательно, и изменение субъекта модальности. Если в прямой речи им был сам говорящий, то в косвенной речи им становится интерпретатор. Кроме того, в прямой и косвенной речи обязательно присутствует семантический субъект. В целом в акте коммуникации задействованы, таким образом, три субъекта: 1) семантический субъект как реальный, действующий субъект, исполнитель действия; 2) говорящий субъект, осуществляющий первичный речевой акт, обозначающий непосредственно какую-то ситуацию, к которой он имеет отношение как наблюдатель или как пассивный участник – случай, когда семантический субъект и говорящий субъект одно и то же лицо; 3) интерпретирующий субъект, или прагматический субъект, который передает услышанное или прочитанное тем или иным способом в соответствии со своей целеустановкой: цитирует, дает ссылку, уточняет, добавляет, намеренно или ненамеренно искажает [10].

Для реципиента объектом осмысления является все речевое произведение в целом и обозначаемая им ситуация. В силу ряда причин: незнакомства с первичным текстом, объективной формой преподнесения интерпретации, переплетения денотативных и коннотативных компонентов смысла – рядовой получатель информации не может оценить качество трансляции и декодировать первичный текст, что приводит к его дезинформированию, порождающему речевой и правовой конфликт, имеющий две основные реализации: во-первых, прагматический субъект-автор цитат может быть недоволен цитированием (неточным, искаженным, неполным до степени концептуальной трансформации), во-вторых, все тот же прагматический субъект может заявить о «несоответствии действительности» комментариев прагматического субъекта № 2, которые могут заключаться, например, в обвинении субъекта № 1 в обмане.

Вопросы способов и средств передачи чужой речи и сопутствующих этому процессу модально-прагматических семантических следствий рассматривались в научной литературе, в частности [2; 10]. Однако изучение проблемы вне юрислингвистического ракурса описывает процессы трансформации первичного текста сквозь призму априорного представления о добросовестных намерениях передаточного звена, а соответственно, рассматриваемые изменения анализируются как результат естественной переработки информации речевым субъектом – прагматизатором с его индивидуальным речевым, гносеологическим и интерпретационным опытом.

Рассмотрение процесса передачи чужого высказывания в юрислингвистическом аспекте имеет другие акценты. Далеко не всегда прагматизатор действует беспристрастно и действительно преследует цель просто передать информацию. Во многих случаях интерпретатор при передаче текста реализует свои цели. Отметим, что эта интенция не во всех случаях может быть декодирована, и вполне возможно, что искажение первичного текста осуществляется ненамеренно – это другой, интенциональный, аспект проблемы. В рамках исследуемой темы нас интересуют, прежде всего, лингвистические критерии анализа вторичного текста в сравнении с первичным, критерии, позволяющие определить границы трансформаций, за которыми результат передачи чужого текста может стать предметом юридизации, то есть рассмотрения в правовом аспекте.

При разрешении в судебном порядке проблемы квалификации искажения текста при передаче чужих слов вопрос к лингвисту формулируется обычно так: «Изменилось ли содержание первичного текста при его передаче?» Реально же этот вопрос еще сложнее, так как по сути проблема не в том, изменилось ли содержание (конечно, хотя бы в нюансах, деталях, денотативных или коннотативных, но изменилось), а в том, насколько существенны эти изменения. И где на этой бесконечной шкале изменений от «незначительных нюансов» до «изменения смысла на противоположный» та граница, которая разделяет интерпретации, находящиеся в рамках права, и изменения первичного текста, попадающие под категорию «сведений, не соответствующих действительности»?

Ответы на поставленные вопросы возможно дать только при условии взгляда на текст как на комплекс аспектов, которые в различной мере сохраняются или изменяются во вторичном тексте. При передаче чужого текста предметом речемыслительной операции становится сложная многомерная система речевого произведения, содержащая несколько планов. Согласно [1], это содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и подтекстовая составляющие. Согласно теории речевых актов, отраженной, в частности, в работах Дж. Л. Остина [6], Дж. Р. Серля [8], Е. В. Падучевой [7], это пропозиция, иллюкуция, локуция, перлокуция. Предложенная Е. С. Кара-Мурзой [4, с. 129] корреляция юрислингвистических понятий факт / мнение через соотнесение первого с содержательно-фактуальным планом, а второго – с содержательно-концептуальным в целом представляется оправданной. В то же время в аспекте рассматриваемой проблемы дифференциации типов передачи чужой информации по качественным и количественным показателям в свете потенциальной юридизации мы видим следующие уровни текста: фактуальный, концептуальный, коннотативный и стилистический.

Фактуальная основа сообщения – информация о событиях, привязанных к месту, времени, субъекту действия; **концептуальная** составляющая текста – концепция автора сообщения о причинах, следствиях описанных событий, выводы из фактуальной информации; **коннотативная** составляющая – все то, что имеет отношение к образности, оценочности, эмоциональности и экспрессии: оценка автором описанных событий, поступков, личностей; **стилистическая** – языковая форма выражения перечисленных выше планов текста: событий, концепций, позитивных и негативных реакций. При всей взаимосвязанности приведенных уровней они достаточно самостоятельны, и при передаче чужого высказывания каждый из них может передаваться или трансформироваться.

Варианты передачи чужого текста, типизированные на основании уровня трансформации, соответствующего составляющей текста (фактуальной, концептуальной, коннотативной, стилистической), нуждаются в дифференциации в аспекте правовых последствий, обусловленной антиномией диспозиции ст. 152 ГК РФ [3] фактуальное – оценочное. И эта классификация не совпадает со строго лингвистической, имеющей другое логическое основание – отношение к модальным прагматическим элементам. Так, А. И. Фефилов называет два способа интерпретации чужого высказывания: объективный и субъективный, причем маркером объективности, на взгляд автора, является совпадение, а маркером субъективности – несовпадение форм исходного и интерпретирующего высказываний [10]. Следовательно, интерпретации, которые содержат хоть какие-то показатели модальной прагматизации, уже являются субъективными. И с семантико-лингвистических позиций такой подход, на наш взгляд, полностью оправдан.

С позиций же исследования, в котором рассматриваются конфликтогенные возможности определенных способов передачи информации, необходимо разграничить не только субъективные и объективные способы передачи чужой речи, но и дифференцировать субъективные типы передачи чужой речи относительно характера позиционирования этой субъективности. При этом важно учитывать и другой аспект, актуальный в рамках исследуемой темы – аспект юридизации искажения. Необходимо помнить, что те приращения смысла, которые идентифицируются при декодировке текста как коннотации прагматического субъекта, даже при выражении оценочности, прямо диаметрально противоположной той, что была передана первичным текстом, все же не могут быть подведены под юридическую ответственность, поскольку мнения и оценки законом не запрещены.

Существенно также, дифференцирована ли в тексте с очевидностью оценочность первичного и вторичного текста. Субъективность открытая, демонстрирующая позицию прагматического субъекта и отделяемая от позиции автора первичного высказывания, в этом аспекте противопоставлена субъективности скрытой, вплетающейся в передачу первичного высказывания таким образом, что оно приобретает смысл, отличающийся какими-либо фактуальными характеристиками. Различия в характере реализации субъективизма интерпретации имеют прямое отношение к вопросу о законности такой интерпретации, а именно к неимущественным правам участвующих в конфликте лиц: объекта сообщения и автора первичного сообщения.

Анализ вторичных текстов на предмет их конфликтогенности, напрямую связанной с качеством передачи чужого текста, позволил выявить выстраивающиеся в иерархическую систему противопоставленные типы передачи чужой информации.

Первая, самая общая антиномия: **трансляция – трансформация**. **Трансформация** дифференцируется на **интерпретацию** и **деформацию**, которые, в свою очередь, различаются типажом реализации.

Варианты цитирования / псевдоцитирования на шкале объективности выстраиваются в цепочку, ограниченную двумя диаметрально противоположными точками.

Одна точка может быть названа точкой максимальной объективности. Абсолютно объективным является только предельно полное цитирование, лишённое каких-либо комментариев и преподнесенное абсолютно неконнотативными языковыми средствами (например, глаголом «сказал»). В таком случае модальность прагматического субъекта № 1 максимально представлена и развернута, а модальность прагматического субъекта № 2 максимально сжата. Этот тип передачи чужого текста и назван нами **трансляцией**. Объективной мы считаем и такую передачу чужого текста, при которой, при всех сокращениях и синонимических заменах на различных языковых уровнях, сохраняется фактуальный, концептуальный, коннотативный и стилистический уровни текста. Такой тип передачи чужого текста подобен хорошему реферату, объективно неконфликтен, а потому не содержит потенции к юридизации. При сопоставлении текстов на предмет решения правовой проблемы о соблюдении авторских прав юридизируется все, что лежит за пределами **трансляции** и попадает в противопоставленное поле **трансформации**. В нашей практике был случай, когда автор, передав в журнал рукопись рассказа, увидел ее напечатанной в сокращении, без финала, который выполнял концептуально значимую роль в структуре художественного целого. В сокращенном таким образом виде рассказ выражал иные, не совпадающие с видением автора, смыслы, что вполне обоснованно было воспринято им как нарушение авторских прав.

Диаметрально противоположная точка на шкале объективности передачи чужой речи – точка максимальной **трансформации**. В результате выборочного цитирования, умолчания о необходимых пресуппозициях, искажения стилистики первичного текста, введения собственных комментариев модальность прагматического субъекта № 1 ослабляется, искажается, устраняется, а модальность прагматического субъекта № 2 определяет модальность всего материала. Крайней степенью **деформации** является такая передача чужой речи, при которой вторичный текст приобретает смысл, диаметрально противоположный тому, что содержал первичный. При этом все компоненты содержания первичного текста трансформируются: на стилистическом уровне

нейтральные языковые средства заменяются дисфемизмами, на коннотативном – позитивная оценочность сменяется негативной, на концептуальном – прагматизатор предлагает иные объяснения в аспектах выводов, мотиваций, последствий, на фактуальном – сами события представлены иначе. Конечно, трансформация на всех уровнях – довольно редкий случай, но потому он и обозначен на шкале искажений как крайний, обладающий максимальной конфликтностью, приводящей к рассмотрению в правовом поле.

Конфликтность интерпретации потенциально заложена в любом прагматизированно искаженном тексте. Неконфликтным является только объективный способ интерпретации, осуществленный при помощи прямой речи или при помощи косвенной, оформленной самым нейтральным, немодальным союзом «что». Все остальные способы прагматической интерпретации вносят какие-либо деформации в смысл первичного высказывания и, как показывает опыт, могут стать предметом судебного разбирательства. То есть сфера правовой конфликтности совпадает со сферой лингвистической субъективности в интерпретации.

В то же время конфликтность как лингвокоммуникативное явление хотя и лежит в основе юридизации продукта речевой деятельности, далеко не всегда совпадает с полем правового регулирования. Не любая модальная прагматизация чужого высказывания при его передаче ущемляет юридически закрепленные права других участников ситуации. Правовая система не запрещает субъективную оценку чего бы то ни было, в том числе и чужого суждения, если эта оценка не основывается на ложных утверждениях. Поэтому в том случае, если трансформация чужой речи находится в плоскости **стилистической, коннотативной или концептуальной**, нет оснований для юридизации. Журналист дистанцировался от чужой информации, выразил сомнение в ее правдивости или стилистически изменил ее, или дал иной комментарий фактам, представленным в первичном тексте. Эти виды трансформации чужой речи логично назвать **интерпретацией** – оформленным индивидуальными языковыми средствами интерпретатора вариантом осмысления сообщенной иным автором фактуальной информации.

Особых пояснений требует в данном контексте вопрос об изменении концептуальной информации. В работах по теории текста концептуальная информация – это собственно ключ к смыслу текста. Казалось бы, ее трансформация – явный повод для юридизации. При защите авторских прав – да, а в процессах о защите чести и достоинства концептуальность, как нам видится, находится за пределами поля правового регулирования. Два общеязыковых значения слова **концепция**, без наполнения их какими-то специфическими узкопрофессиональными смыслами, естественно соотносятся с пониманием сути обозначаемого явления в свете 1) закона о защите чести и достоинства, 2) закона о защите авторских прав: концепция (лат. *conceptio*) – 1) система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; 2) единый, определяющий замысел, ведущая мысль какого-либо произведения, научного труда и т.д. [9, с. 308].

Реципиент действительно реагирует, прежде всего, на концептуальную информацию как на вывод из приведенных фактов, именно концептуальная составляющая содержания публицистического текста формирует общественное мнение по тем или иным вопросам. В то же время в смысле ст. 152 ГК РФ [3] **концепция** как «система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов» [9, с. 308], согласно словарному определению, однозначно соотносится с субъективной частью информации – категорией «мнение» в правовом аспекте.

Так, в первичном тексте комплиментарно описывается интерьер дома и дизайн участка известного чиновника, другой автор, приводя цитаты из первичного текста, дает им комментарии иного характера. Во вторичном тексте не искажаются фактуальные данные: место расположения дачи, ее площадь, стоимость, но если концептуальный вывод автора № 1 в сокращенном виде может быть представлен так: *Какой отменный вкус демонстрирует X в каждой детали!* [11, с. 9], то автор № 2 подводит читателя к иным выводам: *Интересно, откуда у чиновника X собственность, стоимость которой в десятки раз превышает то, что он мог бы приобрести на официально декларируемый доход?* [5]. Концепция текста как основная идея изменена, но если автор – модальный прагматизатор № 2 дистанцировал свой текст от первичного, указав как автора себя, сославшись на использование в качестве первичного чужого материала, то мы имеем дело с корректной концептуальной переработкой факта.

Для квалификации трансформации чужого текста как **интерпретации** важно, чтобы изменения, осуществленные на концептуальном, коннотативном и стилистическом уровнях, были отчетливо представлены автором № 2 как результат **его** интерпретационного творчества. Конфликтность интерпретаций минимизируется, если во вторичном тексте очевидно дифференцируется на всех уровнях результат прагматизации автора № 1 и автора № 2. Журналист, который решил на жаргоне пересказать информацию, предоставленную интервьюером на литературном языке, берет на себя ответственность за творчество, оставляя заслугу по сбору фактов за автором № 1. В таком случае потенция к юридизации слаба.

В рамках **трансформации** первичного текста **интерпретации** противопоставлена **деформация** как искажение фактуального уровня при передаче чужих слов. Обобщив имеющийся материал, мы выделили два типа деформации при передаче чужих слов: связанных с содержанием текста и с личностью автора первичного текста. Во-первых, это такая трансформация текста, при которой существенно или кардинально изменяется содержание высказывания в его фактическом аспекте, во-вторых, это привнесение при формировании косвенной речи таких модальных характеристик первичного высказывания, которые обвиняют его автора в совершении противоправных или аморальных поступков.

Несоответствие действительности может возникать не только в результате называния каких-либо сведений, но и в результате умолчания какой-либо информации, создающей ложную пресуппозицию. Любое

явление имеет ряд черт, и во многих случаях название одних и умолчание о других разрушает внутренние причинно-следственные связи между описываемыми событиями, а следовательно, передает деформированную информацию, формирующую у читателя искаженную картину изображаемых обстоятельств.

Преследуя цель представить деформированную первичную информацию как объективную, журналист может сознательно устранить модальные элементы с целью придания тексту видимости беспристрастности, позволяющей максимально эффективно ввести адресата в заблуждение. Интерпретирующее высказывание само по себе в виде предложения вне речевой ситуации не дает оснований для разделения компонентов своей структуры, созданных автором № 1 и автором № 2, в связи с чем реципиент не имеет возможности верифицировать интерпретанта и интерпретатора и попадает под воздействие речевых эффектов, подготовленных прагматическим говорящим.

Именно отсутствие конкретных языковых средств вычленения из интерпретирующего высказывания содержательного блока, принадлежащего первичному тексту, и является основанием для разрешения конфликта правовым путем, позволяющим объективизировать восприятие читателей публикации опровержением.

Таким образом, передача чужой речи может быть объективной, при сохранении фактуального, концептуального, коннотативного и стилистического планов первичного текста (**трансляция**) и субъективной, при нарушении каких-либо аспектов одного или более уровней текстового целого (**трансформация**). Субъективность передачи чужого текста, в свою очередь, реализуется в формах **интерпретации** и **деформации**. При интерпретации, в отличие от деформации, сохраняется, во-первых, фактуальная основа первичного текста, во-вторых, дифференциация авторства. При интерпретации нет необходимости в правовом вмешательстве, если только интерпретатор не обвиняет автора первичного высказывания во лжи, что вызывает иск о защите чести и достоинства и требует разбирательства относительно истинного положения дел. **Деформация** имеет две основные формы проявления: изменение качественных / количественных / временных / субъектно-объектных (конкретных) характеристик события; слияние и неразличение модальных планов авторов первичного и вторичного текста. На содержательную классификацию накладывается формально-модальная. По форме содержательно трансформированные **интерпретации** могут быть также как субъективными, так и объективными, то есть могут содержать или не содержать формальные показатели модальной прагматизации.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Глазкова М. Ю. Чужая речь как средство реализации доминантных функций публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 51-53.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gk-rf.ru/statia152> (дата обращения: 16.09.2012).
4. Кара-Мурза Е. С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово – Барнаул, 2010. С. 123-135.
5. Лавров А. Н. Далеки они от народа [Электронный ресурс]. URL: <http://andrey-lavrov.livejournal.com> (дата обращения: 19.01.2010).
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-129.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд-е 6-е, испр. М., 2010. 296 с.
8. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 195-122.
9. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.
10. Фефилов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1. С. 64-73.
11. Шафиков В. Н. Дача на удачу // Челябинская неделя. 2009. 12 марта.

SECONDARY TEXT AS LEGAL CONFLICT SOURCE

Galina Sergeevna Ivanenko, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Department of Russian Language and Russian Language Teaching Technique
 Chelyabinsk State Pedagogical University
gala.april@mail.ru

The author considers the possible types of someone else's text transfer: objective (transmission) and subjective (transformation), reflecting an interpreter's attitude to primary text and the pragmatic orientation of secondary text, and mentions that the differentiation between distortion and interpretation is implemented in the aspect of judicial proceedings caused by the inadequate representation of text-source.

Key words and phrases: secondary text; interpretation; information transmission; information transformation; change; distortion.